

ПОЛНОМОЧИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

© 2008 г. Е. Л. Невзгодина¹

В.А. Рясенцев, наиболее глубоко исследовавший институт отечественного гражданского-правового представительства, писал в 1948 г.: “Едва ли есть еще институт гражданского права, который породил бы такую путаную терминологию, как институт представительства. Одни и те же термины имеют разное значение, причем понятия, которым они соответствуют, в науке точно еще не установлены”, при этом “самым неясным является термин “полномочие”. Оно имеет несколько значений и каждое из них и поныне вызывает разногласия”². Возможно, это объясняется тем, что при посредстве института представительства “юридическая личность человека переходит за пределы, очерченные его физической природой”³, или тем, что “возможность представительства есть, очевидно, искусственный юридический институт... Неудивительно поэтому, что пришлось прибегнуть к наиболее распространенной теории, объясняющей смысл соответствующей правовой конструкции, – юридической фикции”⁴. При представительстве (реализации полномочия) действует один субъект права, но имеется в виду, что в его лице действует другой – представляемый, т.е. “воля, выраженная одним, признается волею другого”⁵, что позволяет говорить о “фикции воли”⁶.

Так или иначе, но и сейчас, спустя много десятилетий, положение мало изменилось. Основные понятия данного института – “представительство” и “полномочие” продолжают оставаться дискуссионными. Представительство иногда усматривают там, где действительности оно отсутствует. Один и тот же термин нередко используют для обозначения разных правовых категорий. Глава о представительстве включается во все учебники гражданского права, но трудно на-

звать и два из них, в которых проблемы представительства излагались бы с тождественных позиций. Между тем точность терминологии, необходимая в любой науке, особенно важна в правоведении, поскольку обозначения понятий, выработанные правовой доктриной, воспроизводятся в законодательстве⁷.

Настоящая статья посвящена полномочию, поэтому, не вдаваясь в дискуссионный характер понятия представительства в целом, автор исходит из того, что *представительство – это неимущественное организационно-предпосылочное правоотношение*⁸, в силу которого юридические действия, совершаемые одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) по отношению к третьим лицам, осведомленным о представительном характере этих действий, влекут за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей непосредственно для представляемого в его отношениях с третьими лицами.

Данное правоотношение включает в себя полномочие представителя и соответствующую ему обязанность представляемого принять на себя

⁷ По справедливому замечанию Б.М. Гонгало, “трепетное отношение к терминам, да и вообще к слову, встречается в гражданско-правовой литературе не очень часто” (*Гонгало Б.М. Мысли и речи о науке гражданского права // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 15*).

⁸ Организационные гражданско-правовые отношения, используемые сторонами в целях упорядочения, нормализации своих основных отношений (организуемых) подверглись наиболее глубокому исследованию в работах О.А. Красавчикова (см., например: *Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Сов. гос. и право. 1966. № 10. С. 53, 55, 57; его же. Структура предмета гражданско-правового регулирования социальных общественных отношений // Труды Свердловского юрид. ин-та. Вып. 13. 1970. С. 18–20*). Концепция О.А. Красавчикова была поддержана рядом ученых (см., например: *Илларионова Т.И. Гражданско-правовые организационные отношения и способы их защиты // Гражданское право, экономика и стандартизация. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 64. Свердловск, 1978. С. 28–37; Гонгало Б.М. Предмет гражданского права // В сб.: Проблемы теории гражданского права. М., 2003. С. 18–20; Суханов Е.А. Организационные и имущественные договоры // Гражданское право. В 4-х т. Т. 3. Учебник. Изд. 3-е. М., 2006. С. 182; Данилова Л.Я. Особенности гражданских правоотношений, возникающих при представительстве // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 1. Казань, 2006. С. 107–108*).

¹ Заведующая кафедрой гражданского права Омского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

² *Рясенцев В.А. Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы (ВЮЗИ). Вып. 2. М., 1948. С. 8.*

³ *Нерсесов Н. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М., 1876. С. 1.*

⁴ *Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1. М., 1874. С. 143.*

⁵ *Брагинский М. Договор поручения // Хоз. и право. 2001. Приложение. С. 3.*

⁶ Там же.

правовые последствия действий представителя, совершенных в пределах полномочия.

Среди имеющихся точек зрения относительно юридической природы и сущности полномочия можно выделить три основные концепции.

Концепция “проявления правоспособности” исходит из того, что полномочие – особое правовое явление, не являющееся ни правоспособностью, ни субъективным правом, а выступающее “как проявление гражданской правоспособности и заключающееся в возможности совершить действие от имени другого лица”⁹. Но в реальной действительности никаких “проявлений”, стоящих между правоспособностью и субъективным правом, нет. Следует отметить, что и сторонник данной концепции В.А. Рясенцев, вначале полагавший, что “за полномочием правильно отрицается значение субъективного права”¹⁰, в более поздних работах пришел к выводу о том, что полномочие, хотя и особое, но все же субъективное право¹¹. Н.О. Нерсесов, также не признававший за полномочием статуса субъективного права и определяющий его как “власть представителя непосредственно управомочивать или обязывать самого принципала своими сделками”¹², в то же время не определял полномочие с позиций общепринятых юридических дефиниций, а фактически трактовал его именно как субъективное право, отмечая, что “полномочие указывает на возможность совершения представителем известных юридических действий”¹³.

Отрицание за полномочием статуса субъективного права (при наличии, тем не менее, его общих признаков, прежде всего – власти действовать с юридическим эффектом) аргументируется и в современной литературе, в частности К.И. Скловским¹⁴. В то же время К.И. Скловский признает, что всякому правомочию (в том числе полномочию) корреспондирует связанность лица, противостоящая правомочию, и объем правомочия обычно определен волей лица связанного; положение же связанного лица “аналогично положению лица обязанного, которое также, как пра-

вило, своими действиями определяет границы права другой стороны”¹⁵.

М.И. Брагинский также полагает, что “полномочия представляют собой правовое явление, не укладывающееся в двучленную систему “правоспособность – субъективное право”. Они составляют нечто третье”¹⁶, и это “третье” М.И. Брагинский квалифицирует как секундарное право¹⁷.

Понятие секундарного правомочия было предложено и разработано М.М. Агарковым (именно правомочия, которое М.М. Агарков считал не субъективным правом, а проявлением правоспособности¹⁸). Он обращал внимание на особые отношения, в которых “праву одной стороны соответствует не обязанность другой стороны, а только связанность ее этим правом”¹⁹. В отличие от правоспособности как абстрактной связанности секундарное право – “это тоже связанность, но только конкретная. В частности, применительно к оферте это связанность оферента с ее адресатом”²⁰.

По мнению сторонников концепции “юридических фактов”, полномочие – это юридическое действие (круг действий), которое может совершить представитель от имени представляемого²¹, юридический факт, определяющий границы присоединения к правоспособности представляемого дееспособности представителя²², или “юридиче-

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ См.: Брагинский С.М. Договор поручения // Хоз. и право. 2001. № 4. Приложение. С. 59.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1947. С. 70–73. Аналогичная точка зрения на секундарное правомочие, не имеющее статуса субъективного права, высказана Р.О. Халфиной (см.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 235). По мнению же других ученых, секундарные правомочия являются “полноправными” субъективными правами (см.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 9–11). “Позиция С.Н. Братуса представляется более правильной, – отмечает С.С. Алексеев. – Необходимо лишь различать субъективное право и правомочия и видеть специфику прав на свои активные действия. В частности... нет необходимости отыскивать для каждого секундарного правомочия особую юридическую обязанность. Их юридические функции в основном исчерпываются теми обязательными юридическими последствиями, которые автоматически наступают в рамках внутренних механизмов развития правоотношения. Юридические же обязанности соотносятся не непосредственно с правомочиями на положительные действия, а со связанными с ними правомочиями требовать от других лиц воздержания от действий известного рода, в том числе не препятствовать действиям носителя секундарного правомочия” (Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 123).

¹⁹ Агарков М.М. Указ. соч. С. 10.

²⁰ Брагинский С.М. Указ. соч. С. 60.

²¹ См.: Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. С. 175; Торкновский Е.П. Советское гражданское право. Куйбышев, 1962. С. 58–59.

²² См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 203.

⁹ Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 5. Раскрывая этот тезис, В.А. Рясенцев аргументировал его тем, что полномочию не соответствует чья-либо обязанность, полномочие нельзя нарушить как субъективное право, полномочие не порождает права на иск.

¹¹ См.: Советское гражданское право. Т. 1. М., 1965. С. 218.

¹² Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. Избр. труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 2000. С. 76.

¹³ Нерсесов Н.О. Указ. соч. С. 76.

¹⁴ См.: Скловский К.И. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хоз. и право. 2004. № 11. С. 110.

ский акт, влекущий способность конкретного лица быть представителем другого»²³, причем под юридическим актом, “наделяющим” лицо полномочием, понимаются как действия (препоручительный индоссамент, договор поручения), так и документы, фиксирующие полномочие (доверенность, банковская карточка). Против этой концепции возникают следующие возражения.

Говорить о присоединении дееспособности представителя к правоспособности представляемого можно лишь образно: субъекты правоотношений наделяются право- и дееспособностью законом, и отношения по представительству не могут повлечь какого-либо изменения объема правосубъектности одних лиц за счет других.

Полномочие возникает в силу определенного юридического факта. Последний же не может породить ничего иного, кроме правовых последствий (возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей). Если же признать, что полномочие – юридический факт, то получается, что один юридический факт порождает другой.

Не убеждает в правильности данной концепции и указание на то, что благодаря полномочию представитель “приобретает не права, а только возможность осуществления чужих прав и обязанностей или приобретения их для другого лица”²⁴. Если данная возможность не субъективное право и не элемент право- дееспособности (а иного значения термина “возможность” правовая доктрина не знает), полномочие в предложенной трактовке вообще непознаваемо. Полномочие, как юридическая возможность, принадлежащая конкретному лицу, и есть субъективное право. Кроме того, вряд ли целесообразно использовать различные по содержанию термины (“возможность” и “юридический факт”) для обозначения одного и того же правового явления – полномочия.

Собственно говоря, сторонники данной концепции полномочия, оперируя этим термином, используют его отнюдь не в значении юридического факта. Так, О.С. Иоффе писал о пределах полномочия, о данном представителю полномочии²⁵ и т.д. При трактовке полномочия как юридического факта приведенные выражения утрачивают смысл.

И тем более нельзя квалифицировать как юридический факт (юридический акт) документы (в том числе банковскую карточку или доверенность). Письменный документ может выступать в качестве фиксации юридического факта (например, односторонней сделки – наделения полномочием), но сам по себе документ, бесспорно, не яв-

ляется юридическим фактом, по крайней мере, в общепринятой трактовке этого термина.

Наиболее близко подходит, на мой взгляд, к правильному решению вопроса концепция “субъективного права”. Но указание на полномочие как на субъективное право обычно не сопровождается указанием на корреспондирующую ему обязанность, не рассматривается правоотношение, в рамках которого существует это право, не раскрываются его юридическое содержание и особенности²⁶. Ниже сделана попытка восполнить этот пробел.

Полномочие как неимущественное организационное субъективное право представителя характеризуется прежде всего тем, что является собой возможность приобрести или осуществить субъективное право или обязанность другого лица по отношению к третьим лицам. “Все действия представителя, – справедливо отмечает К.И. Скловский, – относятся... к действиям, создающим и прекращающим обязательства и права требования. Ничего другого из полномочия извлечь невозможно, и этого вполне достаточно”²⁷.

Отсюда следует, что:

1) никто не может дать другому полномочие, превышающее по объему его собственное право;

2) представителю как носителю полномочия не обязательно обладать правоспособностью именно в том объеме, который необходим для обладания правами (обязанностями), приобретаемыми им для представляемого лица;

3) полномочие и то право или обязанность, от которых оно производно, не тождественны: полномочие – право осуществить чужое право (обязанность) путем совершения действий, составляющих материальное содержание чужого права (обязанности);

4) полномочие остается правом и тогда, когда оно производно не только от права, но и от обязанности представляемого (т.е. дано на исполнение обязанности представляемого путем совершения юридического акта);

5) полномочие – всегда право на собственные положительные действия (и тогда, когда дано на осуществление права требования).

Характерным признаком полномочия является также то, что оно возникает и осуществляется в интересах лица, на приобретение (или реализацию) прав и обязанностей которого дано полномочие.

При представительстве право принадлежит одному лицу, а осуществляется другим, т.е. проис-

²³ Крылов С. Соотношение договора поручения и доверенности // Росс. юстиция. 1999. № 9. С. 15.

²⁴ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 203.

²⁵ См.: там же.

²⁶ См., например: Пергамент А.И. Опекуны как гражданско-правовые представители несовершеннолетних // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 184.

²⁷ Скловский К.И. Указ. соч. С. 99.

ходит “субъектное смещение”: разделение субъекта – носителя правоспособности, субъективного права, обязанности и интереса, и субъекта, действиями которого таковые осуществляются. Очевидно, что реализация права независимо от того, производится она собственными действиями их носителя или другим лицом, должна осуществляться в интересах того, кому оно принадлежит, а не того, кто его осуществляет, ибо субъективное право устанавливается для удовлетворения интересов самого управомоченного, интерес же “является целью существования субъективного права”²⁸.

Соответственно, представитель уже по своему статусу обязан действовать в интересах представляемого. Действие в чужом интересе – это главный, определяющий, конститутивный признак полномочия: “полномочие существует лишь постольку, поскольку оно основано на интересе принципала. Наличие иного интереса, прежде всего собственного интереса, представителя в сделке влечет отпадение полномочия”²⁹, а “сделка, совершенная представителем вопреки интересу принципала, должна считаться совершенной без полномочия”³⁰.

В литературе существует мнение о том, что представитель не всегда действует в интересах представляемого, что иногда он осуществляет полномочие в собственных интересах, например, когда должником выдается доверенность займодавцу на получение от третьего лица денег, которые пойдут на погашение долга³¹. Конечно, реализуя полномочие, представитель может действовать одновременно и в своих интересах, но этот интерес является атрибутом не полномочия, а какого-то иного права (в частности, права займодавца), осуществляемого одновременно с осуществлением полномочия одними и теми же действиями представителя. Правоотношение же представительства всегда возникает в интересах представляемого, и представитель обязан прежде всего действовать в интересах представляемого, а не в своих собственных или третьих лиц³². Именно поэтому закон запрещает совершение пред-

ставителем сделок от имени представляемого для себя лично.

Не менее существенным для полномочия является и “личный” характер, обусловленный лично-доверительными отношениями при добровольном представительстве и лично-семейными – при обязательном. За исключением случаев, прямо предусмотренных законом (п. 1 ст. 187 ГК РФ), представитель не вправе передать осуществление полномочия другому лицу.

Наконец, столь же значимым моментом является существование полномочия, как правило, наряду с обязанностью его носителя выступать от чужого имени, возникающей (наряду с рядом обязанностей, осуществляемых от собственного имени) как элемент семейного правоотношения, по опеке или обязательства по оказанию услуг (поручения, агентирования, транспортной экспедиции и др.). Для создания возможности реализации указанной обязанности представитель и наделяется полномочием.

Полномочие представителя – сложное по структуре субъективное право. Основным элементом его состава – *правомочие на собственные положительные действия* как возможность осуществить юридическую деятельность от имени представляемого в отношении третьих лиц с непосредственным правовым результатом для представляемого³³. Материальное содержание данного правомочия определяется действиями, которые вправе совершить представитель от имени представляемого (заключить договор, передать имущество, истребовать и принять имущество и т.д.). Эти действия правомерны, направлены на реализацию правоспособности, субъективного права и (или) обязанности представляемого и порождают обязательные для него юридические последствия, т.е. являются сделкой или иными целенаправленными юридическими действиями (например, получение заработной платы доверителя).

Полномочие как субъективное право должно включать и *правомочие требовать*, в данном случае – *правомочие требовать* от представляемого принятия на себя всех юридических последствий действий, совершенных в пределах полномочия, и специфика соответствующей этому правомочию обязанности представляемого будет рассмотрена ниже.

Будучи субъективным правом, полномочие включает в себя и *возможность привести в действие аппарат государственного принуждения*. Поскольку полномочие осуществляется путем юридических актов самого управомоченного (представителя), непосредственно порождающих

²⁸ Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 35.

²⁹ Скловский К.И. Указ. соч. С. 100.

³⁰ Там же. С. 103–104.

³¹ См.: Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1950. С. 129.

³² При этом не исключена, как в приведенном выше примере с договором займа, реализация представителем тем самым и своего интереса. С этих позиций можно говорить и о том, что, например, родители, осуществляя представительство от имени своих детей, всегда действуют и в своих интересах, ибо хорошие родители всегда “пекутся” о благе ребенка и тем самым заинтересованы в том, чтобы действовать именно в этом направлении.

³³ В настоящей работе дискуссионный термин “правомочие” используется в значении конкретной юридической возможности, входящей в содержание сложного по своему составу субъективного права представителя.

юридические последствия для обязанного (представляемого), обращение к компетентным органам имеет целью не принуждение представляемого к исполнению обязанности, а признание юридических последствий, возникающих в силу действий представителя по реализации полномочия.

Изложенное относительно признаков и структуры полномочия позволяет определить его как *организационное субъективное право представителя на совершение от имени и в интересах представляемого определенных юридических действий, непосредственно (“автоматически”) порождающих правовые последствия для представляемого.*

Полномочие может возникнуть и породить при его осуществлении представительный эффект лишь постольку, поскольку есть противостоящий его носителю обязанный субъект (представляемый), который должен стать носителем всех правовых последствий, возникающих при надлежащей реализации полномочия.

Ученые, трактующие полномочие как субъективное право, либо указывают, что ему не соответствует чья-либо обязанность, либо просто не называют таковую, либо определяют ее как обязанность представляемого принять на себя все юридические последствия действий представителя, совершенных в пределах полномочия.

Далее будет показано, что именно эта обязанность противостоит полномочию, причем в существенно ином значении, нежели то, которое обычно придается термину “принять” (ср.: обязанность покупателя принять имущество по ст. 454 ГК РФ), ибо “передачи” возникающих при осуществлении полномочия субъективных прав и обязанностей от представителя представляемому не происходит.

С проблемой выявления обязанностей, корреспондирующих правам на положительные действия, сталкиваются ученые, исследующие различные правовые связи. На базе тезиса “нет права без обязанности, нет обязанности без права” предпринимаются попытки обосновать существование самостоятельных обязанностей, противостоящих правам на совершение действий, порождающих юридические последствия для других лиц. Несмотря на разницу позиций, на которых строится такое обоснование, как правило, называются обязанности, возникающие лишь с момента осуществления “соответствующего” им права.

Так, праву наймодателя на расторжение договора противопоставляется обязанность нанимателя не удерживать имущество свыше установленного срока и вернуть его в сохранности; праву определения способа исполнения договора поставки противопоставляется связанность контрагента, превращающаяся в обязанность принять исполнение от третьего лица либо исполнить обя-

занность третьему лицу, когда субъект воспользуется своим правом, т.е. осуществит его, выдав разнарядку, и т.д. Н.Г. Александров считал такого рода правоотношения правоотношениями общего типа, где должник обязан к определенному поведению (обязан подчиниться)³⁴. Но “долженствования” подчиниться в общепринятом значении термина “обязанность” как необходимости совершения или несвершения определенного действия не существует.

Выражать эту точку зрения – значит признать возможность существования субъективных прав без обязанностей и обязанностей без прав: с одной стороны, субъективному праву до его осуществления не противостоит обязанность, а с другой – в момент осуществления права, т.е. в момент его прекращения, возникают обязанности, которым противопоставляется уже прекратившееся право.

С более правильных позиций, на наш взгляд, подходят к решению вопроса об обязанности, соответствующей субъективному праву, содержащему правомочие на волеизъявление, порождающее обязательные юридические последствия для других лиц, те ученые, которые обращают внимание на то, что право на совершение действий, порождающих обязательные юридические последствия для других лиц, возникает и осуществляется по отношению к определенному обязанному лицу, для которого эти последствия наступают помимо его воли, без совершения им каких-либо действий. Однако и эти авторы не объясняют юридическую природу и материальное содержание обязанности, долженствования, связанности, противостоящих соответствующему праву³⁵.

Учение о секундарных правомочиях и противостоящей им связанности другого субъекта, как уже отмечалось, наиболее глубоко было разработано М.М. Агарковым, но он не предложил четкой юридической квалификации такой связанности. По справедливому замечанию К.И. Скловского, предложение М.М. Агаркова считать связанностью, например, такое следствие договора, как утрату для кредиторов права обратиться взыскание на отчужденное по договору (но не заложенное) имущество должника, лишает связанность ее юридического содержания и полностью обесмысливает такое понимание связанности³⁶. М.К. Юков, справедливо полагая, что секундарному праву соответствует обязанность, которая не выражается ни в совершении определенных действий, ни в совершении тако-

³⁴ См.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 192.

³⁵ См., например: Юков М.К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных отношений. Дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 313.

³⁶ См.: Скловский К.И. Указ. соч. С. 100.

вых, в то же время не дал ее анализа, не раскрыл материального содержания этой обязанности.

Субъективные гражданские права на “свои” положительные действия по юридической значимости последних делятся на два вида: права на фактическое обладание и использование социальных благ (право собственности) и права, включающие секундарные, правообразовательные правомочия (право на акцепт, на зачет встречных требований и пр.). К числу последних относится и полномочие представителя. Права этого типа при осуществлении порождают юридические последствия для конкретного обязанного лица, поэтому они могут возникать лишь в рамках относительного правоотношения. Реализация этих прав не нуждается в содействии обязанных лиц (“автоматизм” наступающих последствий).

Не разделяя точки зрения К.И. Скловского о том, что полномочие не является субъективным правом, “хотя и относится к тому же роду юридических явлений, что и правомочие”, следует согласиться с автором в том, что “полномочие имеет то общее качество с правомочием, что создает юридические последствия для принципала непосредственно, без его участия, и в этом смысле – односторонне”³⁷.

Так, юридические последствия возникают у представляемого уже в момент реализации полномочия независимо от того, желает ли он в данный момент их наступления и способен ли вообще осознавать их. Это не значит, однако, что полномочие не связано с юридической обязанностью и находится вне правоотношения. *Связь эта опосредуется правомочием требовать от представляемого непосредственного принятия на себя юридических последствий реализации полномочия представителем (носителем полномочия). Это правомочие, наряду с правомочием на собственные положительные действия представителя, входит в содержание полномочия – субъективного права представителя.*

Очевидно, что особенность правомочия как возможность совершения одностороннего волеизъявления, порождающего юридические последствия для другого (обязанного) лица – представляемого, должна определять и особенности содержания правомочия требовать, и вместе с тем и содержание обязанности, с которой первое правомочие связано через второе.

Эту обязанность можно определить как обязанность “принять на себя” юридические последствия возможного волеизъявления носителя соответствующего права. Термин “принять” здесь не означает необходимости совершения каких-либо действий обязанным, как это имеет ме-

сто, например, при исполнении обязанности принять имущество. Вместе с тем эту обязанность нельзя свести и к обязанности не препятствовать представителю в осуществлении его полномочия. Недееспособный представляемый фактически не способен воспрепятствовать осуществлению полномочия, а дееспособный, как правило, в любое время может воспрепятствовать осуществлению полномочия, прекратив его односторонним волеизъявлением.

Согласуется ли трактовка обязанности принять на себя юридические последствия действий по осуществлению субъективного права (полномочия) в качестве обязанности, содержанием которой не является ни действие ее носителя, ни воздержание от действий, с общепризнанными положениями теории права о том, что: 1) обязанность – мера должного поведения; 2) материальное содержание обязанности определяется действием (бездействием) ее носителя; 3) исполнение обязанности – это совершение того действия, которое составляет ее содержание?

Указанные положения распространяются и на субъективные права: субъективное право – мера возможного поведения, а осуществление права – совершение действия, составляющего его материальное содержание. Очевидно, однако, что гражданские права в правоотношении активного типа не являются правами на действия лишь самого управомоченного, ибо состоят из единственной возможности – возможности требовать предписанного поведения от обязанного лица. Поскольку осуществление гражданских прав – это совершение тех действий, которые составляют их содержание, требованием управомоченного не исчерпывается материальное содержание права требовать, ибо этим действием еще не осуществляется его право. Кроме того, если обязанный ведет себя надлежащим образом, то не возникает и необходимости требовать от него чего-либо, и, тем не менее, субъективное право окажется реализованным, если должник исполнит свою обязанность. Следовательно, когда субъективное гражданское право состоит лишь из возможности требовать предписанного поведения от обязанного, “содержание субъективного права определяется тем, что предписано... делать обязанному лицу”³⁸.

Иными словами, материальное содержание такого субъективного права определяется главным образом действием, составляющим материальное содержание корреспондирующей ему обязанности; совершение этого действия обязанным лицом будет осуществлением и обязанности, и субъективного права.

³⁷ Там же. С. 95.

³⁸ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 49.

Но если реальны субъективные права, материальное содержание которых определяется действиями обязанного лица и которые реализуются соответственно действиями не их носителей, а обязанных лиц, то столь же реальны и юридические обязанности, содержание которых определяется положительным действием управомоченного лица и которые осуществляются путем совершения последним этого действия. К такого рода обязанностям и следует отнести обязанность принять на себя юридические последствия действий носителя субъективного права. В этом (и только в этом) плане обязанность представляемого, соответствующую полномочию, можно определить как обязанность принять на себя юридические последствия его реализации.

Несомненно, что категория “обязанность” здесь не укладывается в рамки традиционных видов обязанности как необходимости совершить определенные действия либо воздерживаться от таковых. Но различение двух типов связи прав и обязанностей – активного и пассивного (типа “обязательства” и типа “правоотношения собственности”) – не охватывает всего богатства существующих в реальной действительности конкретных видов связи прав и обязанностей в рамках гражданских (и не только гражданских) правоотношений, что уже убедительно аргументировано в литературе³⁹.

В гражданском праве существует значительное число правоотношений, в том числе представительство, в которых обязанность, противостоящая праву на собственные положительные действия, порождающие юридические последствия для других лиц, реализуется независимо от поведения обязанного лица. Очевидна реальность такой обязанности, которая: 1) возникает в силу определенных юридических фактов; 2) имеет конкретного носителя и 3) так же, как право требования в правоотношениях активного типа, выступает средством обеспечения должного поведения обязанных лиц, является необходимым условием бытия и осуществления связанного с ней субъективного права.

Специфика данной обязанности состоит в том, что она осуществляется непосредственно (“автоматически”) в момент осуществления связанного с ней субъективного права, а следовательно, практически не может быть нарушена. Но в случае оспаривания обязанным лицом или третьими лицами факта осуществления этой обязанности, т.е. возникновения у обязанного определенных юридических последствий в силу реализации соответствующего права, управомоченный вправе требовать их признания в установленном порядке.

³⁹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 247.

Очевидно, что при осуществлении полномочия представитель должен следовать указаниям представляемого. Однако это не означает, вопреки весьма распространенному мнению, что представитель является носителем не только полномочия, но и известных обязанностей, в частности – строго следовать указаниям представляемого в отношении условий той сделки, на совершение которой он управомочен.

Прежде всего, говорить о данной обязанности можно лишь применительно к добровольному представительству. Но даже и в этом случае нет необходимости конструировать ее в качестве самостоятельного элемента содержания внутреннего правоотношения представительства. Полномочие, как, впрочем, и любое субъективное право, имеет четкие границы. “Границы есть неотъемлемое свойство любого субъективного права”⁴⁰. При добровольном представительстве границы полномочия определяются на основании закона, волей представляемого, зафиксированной в соответствующем легитимирующем документе (доверенность). Указания представляемого, включенные в такой документ, определяют границы содержания полномочия. При такой ситуации обязанность представителя следовать указаниям представляемого сводится к общей для всех управомоченных субъектов обязанности не выходить за пределы содержания своих субъективных прав. Поэтому конструировать ее в качестве самостоятельной обязанности представителя в рамках правоотношения представительства излишне. Включение в каждое правоотношение обязанности носителя субъективного права не преступать границы его содержания свелось бы к простому напоминанию о том, что все, не обнимаемое содержанием субъективного права, не есть право.

Если указания представляемого относительно тех или иных условий сделки не включены в доверенность, они определяют лишь содержание обязанности поверенного по выступлению от имени доверителя в рамках обязательства поручения, т.е. определяют условия договора поручения. Очевидно, что любое обязанное лицо должно исполнять свои обязанности надлежащим образом, в соответствии с условиями договора, поэтому и здесь нет необходимости конструировать самостоятельную обязанность поверенного следовать условиям договора.

Соответственно, различны и последствия нарушения указаний доверителя. Нарушение указаний, включенных в доверенность, т.е. определяющих границы полномочия, есть превышение полномочия, что, как правило, влечет недействительность

⁴⁰ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. Л., 1972. С. 18.

сделки, совершенной с превышением полномочия. Если же указания доверителя не включены в доверенность, действия поверенного с нарушением таких указаний, но в пределах доверенности (в пределах полномочия) обязательны для представляемого, а нарушение указаний доверителя существенно лишь для возложения на поверенного ответственности по возмещению убытков доверителю, причиненных ненадлежащим исполнением им обязанности по выступлению от имени доверителя. Такое решение вопроса диктуется интересами устойчивости гражданского оборота и интересами третьих лиц, побуждает доверителя к четкому выражению воли при составлении доверенности.

Такую позицию занимает и судебная практика. Так, действуя по доверенности И-вой, в которой не была указана цена сделки, Н-вич продал П-ну дом, принадлежащий И-вой. В связи с тем, что И-ва отказалась освободить дом, П-нов обратился в суд с иском, требуя выселения продавца из купленного дома и возмещения убытков – стоимости проживания с семьей в гостинице, поскольку И-ва не пускала его в дом. Последняя иска не признала, указав, что договором поручения была обусловлена более высокая продажная цена, и потребовала от покупателя доплаты либо признания договора недействительным. Убытки же, по мнению ответчика, следовало взыскать с поверенного. Суд правильно не принял возражения ответчика, установив, что поверенный действовал в пределах доверенности, где не была указана минимальная цена дома, а уплаченная покупателем сумма намного превосходит инвентаризационную оценку дома, в связи с чем для доверителя обязательны все условия заключенного договора, и удовлетворил иск⁴¹.

Нет необходимости включать в содержание внутреннего правоотношения представительства в качестве самостоятельной и обязанность представителя осуществлять полномочие в интересах представляемого. Данная обязанность тесно связана с вопросом о пределах осуществления гражданских прав. Имея в виду, что цель полномочия в конечном итоге – удовлетворение интереса представляемого и что под пределами осуществления гражданских прав нужно понимать пределы, вытекающие из их целевого назначения, следует прийти к выводу, что осуществление полномочия вразрез с интересами представляемого – действие противоправное, совершаемое хотя и в границах содержания полномочия, но выходящее за установленные законом пределы его осуществления.

Осуществление же субъективного права в соответствии с его целевым назначением, или, что

то же, не выходя за установленные пределы его осуществления, – общая юридическая обязанность любого субъекта любого субъективного права, в том числе и носителя полномочия. Осуществление полномочия вразрез с интересами представляемого имеет место, как правило, в тех случаях, когда представитель использует полномочие в своих собственных интересах (или в интересах других лиц) за счет интересов представляемого, т.е. злоупотребляет полномочием.

Таким образом, обязанность представителя действовать в интересах представляемого сводится в основном к обязанности не злоупотреблять полномочием или, что то же, не выходить за установленные законом пределы осуществления субъективного права. Но это общая обязанность всех носителей субъективных прав, вытекающая из общих запретов, установленных законом, а потому включать ее в содержание каждого конкретного правоотношения в качестве самостоятельной обязанности излишне.

Право представителя на передоверие (п. 1 ст. 187 ГК РФ), когда таковое имеется, полностью охватывается полномочием, ибо являет собой право представителя совершать от имени представляемого юридические действия по наделинию третьих лиц полномочием, в результате чего между представляемым и субститутотом возникает внутреннее правоотношение представительства. Поскольку право на передоверие входит в состав полномочия представителя, оно не может рассматриваться в качестве самостоятельного права в содержании правоотношения представительства. В то же время нет оснований рассматривать это право и как самостоятельное правомочие в составе полномочия, ибо оно полностью охватывается входящим в состав полномочия правомочием на совершение юридических действий от имени представляемого.

Характеристика юридического содержания организационно-предпосылочного правоотношения представительства позволяет отметить следующие его особенности. Данное правоотношение носит производный характер. Последний выражается, во-первых, в том, что представительство возникает на базе определенного другого правоотношения (родительского, по опеке, обязательства поручения, агентирования, транспортной экспедиции и др.), содержащего обязанность одного лица выступать от имени другого. Для создания условий (возможности) реализации этой обязанности и возникает правоотношение представительства, содержащее право (полномочие) выступать от чужого имени по отношению к третьим лицам. Производный характер данного правоотношения выражается, во-вторых, в том, что представитель наделяется полномочием для уста-

⁴¹ Архив Омского областного суда за 2004 г.

новления и реализации прав и обязанностей, принадлежащих не ему самому, а представляемому.

Отсюда вытекает вторая существенная особенность внутреннего правоотношения представительства: оно возникает и осуществляется прежде всего и главным образом не в собственных интересах носителя полномочия, а в интересах обязанного лица – представляемого (что, как уже было отмечено, не исключает и возможное наличие интереса представителя в осуществлении им полномочия).

По типу связи права и обязанности в этом правоотношении его нельзя отнести к правоотношениям ни активного, ни пассивного типа. Оно осуществляется действием управомоченного, “автоматически” порождающим правовые последствия для обязанного лица.

Указанная особенность исследуемого правоотношения определяет и особенности применения санкций в случае его ненадлежащей реализации. Поскольку обязанность в этом правоотношении осуществляется независимо от поведения обязанного лица, т.е. не может быть нарушена, санкции применяются за ненадлежащее осуществление не обязанности, а права (полномочия). Эти санкции могут быть как неимущественными, “организационными” (ненаступление для представляемого правовых последствий, на создание которых направлено полномочие, в том числе признание сделки незаключенной или заключенной с участием представителя в качестве стороны), так и имущественными (возмещение представляемому убытков, причиненных ненадлежащей реализацией полномочия).

Изложенное относительно особенностей юридического содержания внутреннего правоотношения представительства, специфики в нем обязанности представляемого, корреспондирующей полномочию, с ее непосредственной (“автоматической”) реализацией при осуществлении полномочия – позволяет определить внутреннее правоотношение представительства как правоотношение, в силу которого одно лицо (представитель) вправе совершить определенные юридические действия от имени и в интересах представляемого по отношению к третьим лицам, а представляемый обязан принять на себя правовые последствия этих действий.

Полномочие было рассмотрено выше как элемент относительного внутреннего правоотношения представительства. В то же время полномочие, как и любое другое право на собственные положительные действия, одновременно является и элементом абсолютного правоотношения, в силу которого любой и каждый обязан не препятствовать представителю в осуществлении полномочия.

Соответственно, нельзя согласиться с распространенным в литературе мнением о том, что специфика полномочия состоит, в частности, и в том, что его нельзя нарушить. В случаях, когда должностное лицо препятствует осуществлению правомочия, отказываясь совершить необходимые для этого действия, когда третье лицо незаконно удерживает уполномочивающий документ, наличие нарушения именно полномочия, а не того права, на реализацию которого дано полномочие. Носителем полномочия является представитель, поэтому защита полномочия путем подачи жалоб, предъявления исков о признании полномочия, о пресечении действий, его нарушающих, осуществляется представителем от своего имени, не требуя наличия особого полномочия на предъявление иска. Между тем, суды иногда необоснованно отказывают в приеме жалоб, исковых заявлений, направленных на защиту полномочия.

Нотариус отказал Б-ву, действующему по доверенности А-евой, в удостоверении договора дарения дома, принадлежащего А-евой, мотивируя свой отказ престарелым (78-летним) возрастом доверительницы, не позволяющим ей, по мнению нотариуса, отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Судья отказал Б-еву в принятии и рассмотрении его жалобы по тем мотивам, что он не имеет полномочия от А-вой на ведение данного дела.

В данном случае Б-ев обратился в суд с жалобой от своего имени, требуя признания своего права – полномочия и принуждения нотариуса к удостоверению договора дарения, в связи с чем поверенный здесь не нуждается в специальном полномочии на ведение судебного дела. При таких обстоятельствах суд должен был рассмотреть жалобу по существу⁴².

⁴² Архив Омского областного суда за 2004 г.